

А. С. ЛИБЕРМАН

О СПОСОБАХ ОБРАЗОВАНИЯ НОВЫХ ФОНЕМ

Одна из самых важных задач теории звуковых изменений состоит в том, чтобы выяснить, как образуются новые фонемы. В первой фонологической работе, посвященной истории германского умлаута¹, У. Туодел описал способ образования фонем, который известен под названием *фонологизации аллофона*. Сущность теории У. Туодела состоит в том, что фонологизация продуктов умлаута связывается с редукцией или с исчезновением ассимилирующего йота или /i/. Когда /j/ и /i/, редуцируясь или отпадая, переставали вызывать регрессивную ассимиляцию, то корневой гласный, по У. Туоделу, терял позиционную обусловленность и из варианта фонемы (аллофона) превращался в самостоятельную фонему.

Если стать на точку зрения У. Туодела, то, например, путь от германской формы * *fulljan* «наполнять» к древнеанглийской форме *fyllan* можно изобразить так: /j/ вызывает ассимиляцию фонемы /u/, которая начинает реализоваться перед /j/ как [y], /j/ отпадает, и передняя артикуляция фонемы /u/ перестает быть позиционно обусловленной, а л л о ф о н [y] превращается в ф о н е м у /y/.

Статья У. Туодела оказала настолько сильное влияние на все последующие историко-фонологические исследования, что на некоторое время создалось впечатление, будто существует только одна модель фонологизации, а именно превращение позиционного варианта фонемы в самостоятельную фонему в результате совпадения различных контекстов.

Однако, несмотря на популярность этой модели, она полна противоречий. Очевидно, что если аллофоны — это позиционные, т. е. обусловленные окружением реализации фонем, то, во-первых, они не могут возникать при неизменившемся контексте, во-вторых, они не могут сохраняться при изменившемся контексте. Если /j/ по чисто физиологическим причинам вызвало переднюю артикуляцию заднеязычных гласных в древнеанглийском, то аналогичное возникновение перед ним передней артикуляции должно было происходить и в праанглийском и, возможно, даже в готском и в общегерманском. Следовательно, либо аллофоны умлаута всегда существовали в английском языке, либо они возникли не потому (или не только потому), что в слове был /j/, т. е. не являлись чисто физиологическими продуктами регрессивной ассимиляции, но тогда вся модель У. Туодела лишается своего основного стержня. С другой стороны, если /u/ реализовалось перед /j/ в виде /y/ потому, что /j/ имеет более переднюю артикуляцию, чем /u/, то после выпадения /j/* *fyl(l)jan* должно было превратиться в *fyl(l)an*, а не в *fyl(l)an*.

Любопытно отметить, что пражские фонологи разрабатывали гораздо более сложную теорию фонологизации, чем это сделал У. Туодел. Я хотел бы привести одно рассуждение Б. Трнки, относящееся к 1936 г. (статья

¹ W. F. T w a d d e l l, A note on Old High German umlaut, «Monatshefte für deutschen Unterricht, deutsche Sprache und Literatur», 30, 1938, стр. 177—181.

У. Туодела вышла на два года позже). Б. Трика рассказывает о взаимоотношении глухих и звонких спирантов в истории английского языка. Звуки [f], [v] и т. п. были в древнеанглийском вариантами одной фонемы ([v]) и прочие звонкие щелевые встречались только в интерсонорном окружении). Но когда после апокопы звук [v], например, стал возможен на конце слов, спиранты /f/ и /v/ начали употребляться в идентичных контекстах и превратились в самостоятельные фонемы (ср. совр. англ. *leaf*—*leave*). Однако Б. Трика ясно отдает себе отчет в том, что если по законам среднеанглийской фонетики на конце английских слов стоял глухой щелевой, то отпадение -e в [lɛvə] (совр. *leave*) должно было привести не к возникновению формы [lɛv], а к возникновению формы [lɛf]. «Мы видим,— пишет Б. Трика,— что фонологизация спирантов едва ли была бы возможна, если бы не отпало конечное -e, но это отпадение не предполагало необходимость фонологизации спирантов, потому что, как легко себе представить, звонкие конечные спиранты могли оглушиться после потери окончаний»². И он добавляет: «Если фонологизация звонких спирантов все же произошла, мы должны искать тому дополнительную причину»³. Такой причиной было, по Б. Трике, возможное стремление английского языка избежать большого количества новых омонимов.

Рассуждение Б. Трики несравненно глубже, чем рассуждение У. Туодела. Б. Трика с самого начала понимал, что совпадение контекстов никак не может быть причиной фонологизации. Строго говоря, У. Туодел только облек в фонологические термины мысль, высказанную уже Й. Винтелером. Й. Винтелер говорил, что первоначально умлаут в германских языках был результатом ассимиляции и не имел лингвистического значения, но потом *i* и *j* отпали, а продукты умлаута сохранились и приняли на себя функции, прежде выполнявшиеся этими *i* и *j*⁴.

Теория умлаута У. Туодела уже подвергалась критике⁵. Существуют, однако, и остроумные попытки подправить или обосновать туоделовскую модель⁶, но все эти попытки, по-моему, не привели к желанной цели, потому что не было объяснено, каким образом передние гласные типа [y], обязанные, по гипотезе, своим происхождением йоту, оказались через какой-то промежуток времени настолько от этого йота независимыми, что его выпадение никак не повлияло на их дальнейшую фонетическую реализацию.

Если принять модель У. Туодела, то частичный выход из противоречий состоит в том, чтобы признать фонологизацию аллофонов еще до совпадения контекстов. Так, А. Ф. Биршерт, объясняя историю фонологизации русских палатализованных согласных, заметил: «Было бы, однако, неправильным считать, будто палатализованность согласных стала функционально значимой лишь после отпадения конечного гласного переднего ряда высокого подъема. Еще до отпадения конечного гласного мягкость предшествовавшего согласного стала существенным элементом смысловоразличения».

² B. T r n k a, On the phonological development of spirants in english, «Proceedings of the II International Congress of phonetic sciences», Cambridge, 1936, стр. 63 (разрядка наша. — А. Л.).

³ Там же.

⁴ J. W i n t e l e r, Die Kerenzer Mundart des Canton Glarus, Leipzig und Heidelberg, 1876, стр. 130.

⁵ Ср. выступление Б. А. И л ь и н а на Первой научной сессии по вопросам германского языкознания в Москве в кн. «Материалы Первой научной сессии по вопросам германского языкознания», М., 1959, стр. 105.

⁶ Ср. выступление Н. Д. А н д р е е в а и Б. М. З а д о р о ж н о г о на той же сессии (там же, стр. 107—110, 112—113).

ния, это сделало возможным сначала ослабление, а затем и полное отпадение конечного гласного без нарушения и затемнения смыслоразличения в русском языке. Во всяком случае ко времени отпадения конечных гласных палатализованность не могла быть лишь комбинаторным качеством, так как иначе она должна была бы исчезнуть с исчезновением условий ее возникновения»⁷. А. Ф. Биршерт высказал замечательно глубокую мысль, развитие которой может оказаться чрезвычайно плодотворным: совпадение контекстов есть не причина, а опосредованное следствие фонологизации; контексты, по А. Ф. Биршерту, потому и совпадают, что новые фонемы уже возникли.

Очень сходную мысль находим мы и у Л. Р. Зиндера, высказыванием которого мы закончим нашу подборку цитат. Л. Р. Зиндер, как и А. Ф. Биршерт, обсуждал историю русских палатализованных. Вот его рассуждение: «... остается решить вопрос, в какой момент эволюции оттенки „расщепляющейся“ фонемы начинают участвовать в словоразличении. Надо думать, что это происходит еще до того, как эти оттенки начинают употребляться в одинаковых фонетических условиях. Не потому [k'] палатализованное стало фонемой, что появилось слово [tk'ot], а наоборот, слово [tk'ot] оказалось возможным потому, что /k/ стало фонематически противопоставляться [k']. Возникновение связи оттенков со смыслом происходит, следовательно, еще в недрах фонемы, выражением которой данные оттенки являются. Этим и подготавливается разделение оттенков, составляющих одну фонему, на две отдельные фонемы»⁸.

Следует, однако, сказать, что, как ни плодотворна гипотеза А. Ф. Биршерта и Л. Р. Зиндера, она все же не может квалифицироваться иначе, как счастливая догадка, ибо, несмотря на ссылку Л. Р. Зиндера на теорию С. И. Бернштейна об обlique слова, остается неясным механизм, который приводит к фонологизации аллофонов еще в недрах старой фонемы.

У. Тоудел правильно заметил, что история умлаутных гласных связана с историей /i/ или /j/ безударного слога, но раскрыть характер этой связи не сумел; его модель фонологизации аллофона не операторна, и надо сознаться, что мы до сих пор не знаем, как образовались германские фонемы типа /y æ ø/⁹.

Но фонологизация аллофона не единственный мыслимый способ возникновения новых фонем. Существует еще ряд способов фонологизации, из которых несколько уже описано в литературе.

Фонологизация через пустую клетку. Идеальный пример пустой клетки можно видеть в системе типа

$$\begin{array}{ccc} /b/ & /d/ & /g/ \\ /m/ & /n/ & \text{—} \end{array}$$

В этой системе двум звонким ротовым смычным /b/ и /d/ соответствуют носовые; третий же смычный /g/ не имеет носового коррелята. Потенциальным партнером /g/ является фонема /ŋ/, и если такая фонема действительно появляется в системе, то говорят, что произошло заполнение пустой клетки¹⁰. Однако заполнение пустой клетки — почти так же слабо работающая модель, как и фонологизация аллофона. Во-первых, как хорошо из-

⁷ А. Ф. Биршерт, К вопросу о системе фонем английского литературного языка, «Уч. зап. ИМГПИИЯ», 1 — Экспериментальная фонетика и психология в обучении иностранному языку, М., 1940, стр. 47.

⁸ Л. Р. Зиндер, О звуковых изменениях, ВЯ, 1957, 1, стр. 77.

⁹ Многими моими выводами в критике У. Тоудела я обязан беседам с М. И. Стеблин-Каменским и Я. Б. Крупаткиным. Точку зрения Я. Б. Крупаткина см. в его статье «К аллофоническим реконструкциям», ВЯ, 1969, 4.

¹⁰ А. Мартине, Принципы экономии в фонетических изменениях, М., 1960, стр. 110.¹

вестно, пустые клетки могут веками не заполняться; во-вторых, вопреки тому, что обычно говорится, заполнение пустой клетки не делает систему стабильнее, чем прежде, так как система, в которой нет пустых клеток, столь же изменчива, как и всякая другая; в-третьих, фонемы постоянно возникают в системах, в которых для них нет никаких пустых клеток.

Однако в основе модели фонологизации через пустую клетку лежит здравая мысль о том, что имеющиеся в системе различительные признаки могут при случае сложиться в комбинацию, до сих пор в данном языке не встречавшуюся. Например, в консонантизме языка уже существуют заднеязычность (в /g/) и назальность (в /m/ и /n/), но в составе одной фонемы эти признаки еще не сочетались; /ŋ/ оказывается именно таким сочетанием. Другими словами, суть дела заключается вовсе не в пустой клетке, а в возможности создания различных комплексов заданных различительных признаков. Если в языке есть признаки А, В, С и X, Y, Z, то в нем можно ожидать следующие дупризнаковые фонемы: AX, BX, CX, AY, BY, CY, AZ, BZ, CZ в схеме:

AX	BX	CX
AY	BY	CY
AZ	BZ	CZ

То, что при отсутствии, например, CZ нам удастся расположить систему в виде какого-то многоугольника с «пустой клеткой» в одной стороне:

AX	BX	CX
AY	BY	CY
AZ	BZ	—

значения не имеет и стимулом фонологизации не является.

Вариантом фонологизации через пустую клетку является так называемая парадигматическая фонологизация (термин Я. Б. Крупаткина), т. е. возникновение новой фонемы под давлением одних лишь системных факторов при неизменившемся фонетическом контексте. Например, фонологизация древнеанглийского /ā/ (краткого носового) могла быть вызвана тем, что в системе долгих существовала фонема /ā:/ (долгая) ¹¹. Парадигматическая фонологизация предполагает предварительное наличие звука, который в дальнейшем оформится в фонему; идея же заполнения пустой клетки основана на том, что и сам звук возникает под давлением системы.

Фонологизация подакцентных гласных и слогослоговых. В недавнем прошлом новая модель фонологизации была предложена С. Д. Кацнельсоном. Правда, сам С. Д. Кацнельсон не описал специально своей модели, тем не менее он ею постоянно пользуется. Мы разберем одно из его рассуждений. С. Д. Кацнельсон реконструирует состояние, когда на долгих гласных и дифтонгах германских языков чередовались начальновышние и конечновышние слоговые акценты ¹². По этой реконструкции, мора, выделенная вершиной акцента, произносилась четко и длительно, а другая мора редуцировалась и отпадала. Например, для /ei/ восстанавливаются два произношения: [é : i] (или [éel]) и [eí:] (или [ií]). С. Д. Кацнельсон полагает, что пока начальновышность и конечновышность относились к фонологическим средствам языка, различия в звучании между [éel] и [ií] были избыточными. Для дальнейшего развития реконструируются следующие стадии: 1) вершинные

¹¹ Я. Б. Крупаткин, Становление древнеанглийского вокализма (проблема ингвистического развития). Автореф. докт. диссерт., Л., 1966, стр. 16—17.

¹² С. Д. Кацнельсон, Сравнительная акцентология германских языков, М.—Л., 1966, стр. 296—297.

различия дефонологизуются, 2) тембровые различия между гласными [ēe] и [i:] становятся релевантными, и образуются германские фонемы /e:/ (так называемое /ē₂/) и /i:/ (это /i:/ совпадает со старым /i:/); на данной стадии вершинные различия фонетически сохраняются, но теряют значимость; 3) вершинные характеристики отпадают. Достоверность реконструкции С. Д. Кацнельсона мы оценивать не будем и проанализируем лишь модель фонологизации.

Мы говорили, что У. Туодел не дал ответа на два вопроса: 1) как возникли аллофоны умлаута (если переднюю артикуляцию гласных вызывает /j/, то умлаутные аллофоны не могли в о з н и к н у т ь: они должны были существовать от века), 2) как фонологизовались аллофоны умлаута (если аллофоны были вызваны к жизни йотом, то с падением йота должны были уйти и они). В рассуждении С. Д. Кацнельсона обе аналогичные трудности преодолены. О возникновении звуков не говорится вовсе: произношения [e:] и [i:] как реализации дифтонга [ei] существовали, по реконструкции, с тех пор, как появились чередования вершинных акцентов. Сохранение [e:] и [i:] после того, как не стало акцентов, также понятно. Акценты отпали как бы в два приема: вначале они дефонологизовались, но фонетически продолжали существовать, отчего и гласные тоже продолжали чередоваться, как прежде. Но дефонологизация акцентов привела к фонологизации гласных, и чередование подакцентных [e:] и [i:] (с иррелевантными различиями по тембру) заменилось чередованием фонем /e:/ и /i:/ (с релевантными различиями по тембру). Теперь, когда гласные фонологизовались, иррелевантные акценты могли отпасть без всякого ущерба для системы.

Мы уже видели, что А. Ф. Биршерт и Л. Р. Зиндер предполагали фонологизацию аллофонов еще до изменения контекста. В реконструкции С. Д. Кацнельсона фонологизация происходит именно так, как предполагал и А. Ф. Биршерт и Л. Р. Зиндер: [e:] и [i:] из подакцентных аллофонов превращаются в фонемы еще при неотпавших (хотя и изменивших свою функцию!) акцентах. Ценность реконструкции С. Д. Кацнельсона, помимо всего прочего, в том, что он сумел показать один из вариантов механизма фонологизации. Главное в этом механизме состоит в переходе различительного признака с супraseгментного уровня на фонематический. Перенос релевантности на фонематический уровень и вызывает возникновение новых фонем.

Итак, если не считать туоделовской модели, то уже известны два способа возникновения новых фонем. Оба связаны с какими-то передвижениями в различительных признаках: в первом случае создается новая комбинация старых признаков, во втором случае релевантность переходит от просодема к фонемам.

Ниже я хотел бы выделить еще два способа фонологизации. Материалом для их описания послужат среднеанглийские, древнешведские и французские факты.

Возникновение новых фонем в результате перефонологизации признака. Обратимся к истории английского языка. В среднеанглийском произошел переход /a:/ в /ɔ:/ (открытое, его следует отличать от старого закрытого гласного /ɔ:/, который был уже в древнеанглийском). Этот переход не привел ни к парадигматическому смещению существовавших в языке фонем, ни к увеличению числа фонем, поскольку фонема /ɔ:/ — это /a:/, изменившее свое место в системе гласных. Кроме того, в среднеанглийском возникла новая фонема /e:/ (открытый гласный, в отличие от старого закрытого /ē:/). Источником фонемы /e:/ было прежде всего древнеанглийское /æ:/. Очевидно, что и /e:/ — это старая фонема /æ:/, но занявшая иное место в общей системе глас-

ных. История переходов /a:/ > /ɔ:/ и /æ:/ > /ɛ:/ чрезвычайно поучительна для теории звуковых изменений. Мы рассмотрим эти переходы очень суммарно, совершенно абстрагируясь от различий по диалектам и прочих деталей.

Наиболее вероятно, что до изменений /a:/ > /ɔ:/, /æ:/ > /ɛ:/ система английских монофтонгов имела такой вид

$$\begin{array}{l} /i:/ - /u:/ \\ /e:/ - /o:/ \\ /æ:/ - /a:/ \end{array} \quad (1)$$

В этой системе /i:/ и /e:/ могли бы противопоставляться /u:/ и /o:/ и как передние фонемы задним, и как неогубленные — огубленным. Что же касается /æ:/, то оно несомненно было передним коррелятом /a:/, поскольку по чисто физиологическим причинам в нижнем подъеме огубленность всегда выражена вяло. Скорее всего, пока в древнеанглийском были фонемы /y:/ и /ø:/, в системе

$$\begin{array}{l} /i:/ - /y:/ - /u:/ \\ /e:/ - /ø:/ - /o:/ \\ /æ:/ - /a:/ \end{array} \quad (2)$$

/y:/ и /ø:/ противопоставлялись /i:/, /e:/ по огубленности, а /u:/, /o:/ противопоставлялись /i:/, /e:/ по положению языка и губ. Но после выпадения /y:/ и /ø:/ фонемы /i:/ и /e:/, видимо, стали неогубленными коррелятами фонем /u:/ и /o:/. Если допустить, что в системе (1) различительным признаком верхних и средних гласных стала огубленность, то совершенно естественно распространение этого признака и на нижний ряд. Став членами оппозиции по огубленности — неогубленности, фонемы /æ:/ и /a:/ должны были довольно заметно изменить свою реализацию. Прежде всего, у /a:/ оказался более подчеркнутым новый различительный признак, т. е. усилилась лабиализация, и произошло то, что называют его переходом в /ɔ:/. Но поскольку фонетически /ɔ:/ выше, чем /a:/, то /æ:/, теперь уже неогубленный коррелят фонемы /ɔ:/, тоже несколько повысилось и превратилось в /ɛ:/. Следовательно, переход /æ:/ > /ɛ:/ был своеобразной реакцией на изменение /a:/ > /ɔ:/. Фонетически /ɛ:/ и /ɔ:/ оказались выше, чем /æ:/ и /a:/, но фонологически они остались самыми открытыми фонемами в системе гласных.

Тем не менее переходы /a:/ > /ɔ:/ и /æ:/ > /ɛ:/ были сдвигами и фонологического характера. Фонемы /ɛ:/, /ɔ:/ — это новые фонемы в среднеанглийском, но не потому, что их реализация не совпадала с реализацией фонем /æ:/, /a:/ (это несовпадение было лишь следствием фонологического изменения), а потому, что /ɔ:/ и /ɛ:/ имели иной набор различительных признаков, чем /a:/ и /æ:/. Так, /a:/ было максимально открытым задним гласным, а /ɔ:/ — максимально открытым огубленным гласным. Аналогично для /æ:/ релевантными были открытость и передность, а для /ɛ:/ — открытость и неогубленность; из члена эквиполентной оппозиции /æ:/ превратилось в немаркированный член привативной оппозиции.

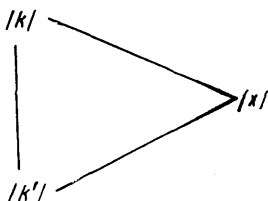
Перед нами классический случай так называемого спонтанного изменения. Фонологическим содержанием этого изменения является перефонологизация признака.

Каждый раз, когда происходит спонтанное изменение, встает вопрос о том, образовались ли новые фонемы или старые фонемы только изменили свою реализацию¹³. Ответить на этот вопрос можно только одним спосо-

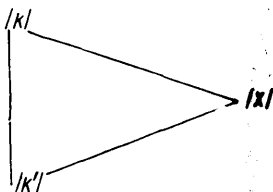
¹³ Ср.: Б. А. Ильяш, Новые работы по истории английского языка, ВЯ, 1957, 2, стр. 138.

бом: необходимо сравнить набор различительных признаков старой фонемы и новой фонемы. Если эти наборы не совпадают, значит, перед нами действительно новые фонемы. Скорее всего, спонтанное изменение, приводящее к возникновению новых гласных или согласных, — это всегда результат перефонологизации признака и, следовательно, замена каких-то старых фонем новыми.

Вариантом модели, описанной выше, является изменение, которое можно было бы условно назвать фонологизацией в треугольнике. Для иллюстрации «треугольника» рассмотрим пример из древнешведского языка. До определенного момента в древнешведском были согласные фонемы /k/, /k'/ (палатализованное) и /x/. Фонема /k/ имела следующие различительные признаки: глухость, заднеязычность и смычность; /k'/ было глухим среднеязычным смычным; /x/ было глухим дорсальным щелевым (о дорсальности приходится говорить потому, что /x/ могло реализоваться и в виде заднего, и в виде среднеязычного спиранта). Таким образом, в треугольнике

/k/ и /k'/ противопоставлялись друг другу по месту образования (заднеязычный vs. среднеязычный), а фонеме /x/ они оба противопоставлялись по способу образования (смычный vs. щелевой). Как показывает материал, подобные треугольники фонологически нестойки. Одним из способов их преобразования является унификация признака, по которому противопоставлены друг другу все три фонемы. В частности, в древнешведском /k'/ превратилось в аффрикату и треугольник

преобразовался в цепочку /k/ (смычный) — /č/ (аффриката, т. е. смычно-щелевой) — /x/ (щелевой), так что сквозным признаком противопоставления стал способ образования. В результате перефонологизации признака фонема /k'/ была заменена /č/, и в шведском возникла аффриката, т. е. фонема, до того совершенно чуждая системе. Модель фонологизации в треугольнике была недавно описана Ю. К. Кузьменко¹⁴.

Фонологизация за счет изменения числа признаков фонемы. Под этой рубрикой мы рассмотрим процессы, происходящие в синтагматической цепи фонем. Возьмем для примера историю носовых гласных во французском языке. Источником французских носовых фонем явились сочетания ротовых гласных с /n/ и /m/. Аналогичным способом образовались /ā/, /ō/ и т. д. во всех языках мира, где такие фонемы существуют. Фонологическое толкование процессов, приводящих

¹⁴ Ю. К. Кузьменко, Дiachроническая фонология аффрикат в германских языках, ВЯ, 1969, 4, стр. 54.

к синтагматическому слиянию двух фонем в одну, в частности, к переходам типа /an/ > /ā/, представляет задачу большой сложности. Очевидно, что в результате синтагматических слияний число фонем в системе увеличивается. Если перефонологизация признака означает замену одних фонем другими (/a:/ на /ɔ:/, /k'/ на /č/ и т. п.), то после переходов типа /an/ > /ā/, /on/ > /ō/ возникают новые фонемы и сохраняются все старые. Как правило, не исчезают даже те сочетания, которые послужили источником новых фонем, так как слияния редко охватывают все позиции. Например, ингвеонское /an/ переходило в /ā/ перед спирантом, но сохранялось перед смычным.

Во всех разобранных до сих пор примерах сам факт возникновения новых фонем был вполне очевиден. В случае же синтагматического слияния мы всегда можем усомниться, действительно ли в языке образовались новые фонемы. Как хорошо известно, фонологический статус носовых гласных, дифтонгов и т. д. определяется на основании ряда критериев, не имеющих большой доказательной силы, поэтому о вокализме каждого языка, в котором выделены, например, носовые гласные, ведутся многолетние споры. Сказанное относится почти в одинаковой степени и к французскому, и к польскому, и к португальскому, и даже к исландскому. Вопрос: одна фонема или две? (в нашем примере: сочетания /an/, /on/ или фонемы /ā:/, /ō/?) — остается одним из самых запутанных и трудных в теоретической фонологии.

Однако мы сейчас не будем заниматься выяснением этого вопроса и сосредоточимся на диахронической стороне дела, т. е. примем за данное, что, например, в старофранцузском были бифонемные сочетания типа /an/, /on/, /am/, /om/, а в современном французском на их месте стоят фонемы /ā/, /ō/, и попытаемся понять, что же произошло.

Очевидно, что в старофранцузском назальность выражалась сегментными фонемами /n/ и /m/, а в современном языке эта же назальность входит в состав гласных фонем. Другими словами, сегментная фонема превратилась в различительный признак. Чрезвычайно характерно, что /an/ и /am/, бывшие разными сочетаниями в старофранцузском, превратились в одну и ту же фонему /ā/, в которой уже не видны старые различия между дентальным и лабиальным сонантами. Часто говорят, что переход типа /an/ > /ā/ означает поглощение гласным носового сонанта. На самом же деле гласный «поглотил» не весь сонант, а лишь один его различительный признак: назальность. Остается предположить, что в определенный момент истории французского языка поствокальные фонемы /m/ и /n/ стали в каком-то смысле слова однопризнаковыми, т. е. что они превратились в синтагматическое воплощение назальности. Видимо, различие между сочетанием фонемы, имеющей x признаков, с однопризнаковой фонемой и фонемой, имеющей $x + 1$ признаков, настолько невелико, что втягивание однопризнаковой фонемы в орбиту соседней фонемы почти неизбежно. Но это втягивание занимает века, и на протяжении всех этих веков грань между бифонемным сочетанием и фонемой с увеличившимся числом признаков остается весьма зыбкой.

Синтагматическое слияние двух фонем в одну — важный путь образования новых фонем. Фонологический механизм этого процесса состоит в том, что фонема превращается в признак. Как и почему происходит подобное превращение, еще предстоит выяснить. Но, по всей вероятности, различные процессы, приводящие к слиянию двух фонем в одну (монофтонгизация, назализация и т. п.) и к расщеплению одной фонемы на две (преломление, дифтонгизация и т. п.), основаны на преобразованиях сегментных фонем в признаки и признаков в сегментные фонемы.

Мы можем теперь подвести некоторые итоги всему, сказанному выше. Возникновение новых фонем — это, видимо, всегда эпизод из истории различительных признаков. Фонемы образуются в результате перекомбинации признаков («пустая клетка»), в результате смены различительного признака (ср. среднеанглийский переход заднего /a:/ в огубленное /ɔ:/ и переднего /æ:/ в неогубленное /ɛ:/ и историю шведской аффрикаты), причем здесь возможны два варианта: либо старый признак сменяется новым (например, положение языка — лабиальностью), либо все старые признаки в системе сохраняются, но возникает еще один (например, аффрикативность); фонемы могут образовываться в результате изменения у старых фонем числа различительных признаков (ср. историю носовых гласных) или в результате перехода релевантности с просодического уровня на сегментный (ср. историю германского /ē₂/ по С. Д. Кацнельсону). Новые фонемы образуются вследствие каких-то перемещений в различительных признаках, поэтому и проблема фонологизации может быть решена только на уровне различительных признаков. Но последнее, видимо, относится к любой или почти любой фонологической задаче¹⁵.

В данной статье описаны четыре способа образования новых фонем. Можно быть уверенным, что этим их список не исчерпывается и что существуют еще некоторые способы фонологизации, хотя общее число моделей фонологизации, видимо, невелико. Насущнейшая задача диахронической фонологии состоит в том, чтобы получить полный список подобных моделей. Имея такой список, фонолог сможет в каждом отдельном случае перебрать его целиком, чтобы установить, как именно произошла фонологизация, т. е. лингвист уподобится врачу, ставящему диагноз. В каких-то случаях диагноз будет очевиден, но чаще понадобится перебор. Например, уже сейчас известны три способа образования аффрикат. Аффрикаты могут оказаться сильной ступенью (т. е. подакцентным вариантом) смычного: таково, по С. Д. Кацнельсону, происхождение древневерхненемецких аффрикат¹⁶. Аффрикаты могут возникать в «треугольнике», как показал на древнешведском материале Ю. К. Кузьменко. Но, кроме того, как хорошо известно, аффрикаты часто бывают продуктом синтагматического слияния двух фонем. Если /tj/ изменяется в /č/ (как в шведском и норвежском), то происходит обогащение фонемы /t/ среднеязычностью или щелевостью, т. е. признак (или признаки) йота распространяются на смычный. Зная, что в данном языке существует аффриката, и пытаясь выяснить, как она возникла, мы должны проверить все три способа, чтобы установить, какой из них привел к появлению данной фонемы.

Таким образом, следует добиваться, чтобы та отрасль исторической фонологии, которая занимается образованием новых фонем, стала диагностической дисциплиной. В этом залог ее превращения в точную науку.

¹⁵ Ср.: R. J a k o b s o n, The phonemic concept of distinctive features, в кн. «Proceedings of the IV International congress of phonetic sciences», The Hague, 1961, стр. 451. Ср. также: М. И. С т е б л и н - К а м е н с к и й, Очерки по диахронической фонологии скандинавских языков, Л., 1966, стр. 14 («...всякое парадигматическое фонемное изменение — это изменение либо в составе различительных признаков, либо в их распределении») и Я. Б. К р у п а т к и н, указ. соч., стр. 41—44.

¹⁶ С. Д. К а ц н е л ь с о н, указ. соч., стр. 300 и сл.